

Конец июня был уже близко, и выпускники вузов торопливо метались с одной ярмарки вакансий на другую, изо всех сил пытаясь найти достойную работу. Парни днем в строгих костюмах носились по всему городу, а возвращаясь в общежитие, тут же переодевались в растянутые майки и шорты и, шлепая тапочками, усаживались на корточки у подоконника поесть арбуза.

Цуй Се вошел в комнату и увидел троих сожителей, которые сидели у окна и с аппетитом уминали арбуз, не сводя с него глаз. В комнате стояла духота, как в пароварке, а на его столе лежала отрезанная долька арбуза.

На нем были лишь тонкая футболка и джинсы, а на лбу — ни капли пота, будто он вовсе не шел только что под палящим летним солнцем. Старший по комнате посмотрел на него несколько раз и со вздохом восхищения поцокал языком:

— Твоя способность вообще не потеть летом вызывает дикую зависть! Знай я, что тебе ни капельки не жарко, не стал бы оставлять тебе арбуз.

Цуй Се улыбнулся и достал из сумки пакет с фруктовым льдом. Он помахал им перед завистливыми физиономиями трех соседей и, встретив их искренние белозубые улыбки, спросил:

— В такую жару — и без кондиционера? Вы что, решили, если не найдете работу, уйти в горы и стать дикарями, вот и привыкаете заранее к жизни без электричества и удобств?

— Внизу ремонт электросети. Не видишь, мы даже игры не запускаем, боимся разрядить ноутбуки до того, как включат свет, — Старший бросил арбузную корку на пол, выудил мороженое, сорвал обертку, откусил кусок и с удовольствием сказал: — Каким еще дикарем? Лучше уж переместиться в прошлое! Найти там кусок земли, разделить ниву — и никакой головной боли о поиске работы.

Второй сожитель, учившийся на химфаке, тоже прикусился к мороженому и поддержал:

— Перемещение в прошлое — это же здорово! Вернемся назад, начнем делать стекло, варить алкоголь, выплавлять сталь... В древности как раз не хватало таких специалистов, как мы. А гонять меня по ярмаркам вакансий в наше время — только попусту тратить мои знания!

Третий бросил обертку на пол, уселся на спинку стула и посмеялся над ним:

— С твоей-то привычкой открывать учебник только перед самыми экзаменами ты за пару дней забудешь все, чему учился! Разве что вместе со мной, филологом-англоведом, подашься в разбойники — тут есть хоть какая-то перспектива. Старший у нас с эконома, он в прошлом хоть мелкой торговлей займется. Но если уж кому и суждено стать идеально подходящим кандидатом для попадания в прошлое, так это нашему Четвертому!

Двое других со смехом согласились:

— Точно! Четвертый у нас гуманитарий, литературовед, в древности считался бы образованным человеком.

Старший усиленно закивал и похлопал Цуй Се по плечу своей липкой от арбузного и фруктового сока рукой, наставительно произнося:

— Брат Четвертый, раз уж соберешься переместиться в прошлое, тебе стоит вспомнить

каллиграфию и живопись тушью — древние книжники обязаны были это уметь. А заодно купи сборник стихов да вызубри хорошенько, чтобы потом плагиатить.

Второй с мороженым во рту сходил к своей кровати, отрыл какую-то книгу и нетерпеливо сунул ему в руки:

— Едва урвал на сайте б/у книг! «Занимательная древняя химия для чайников». Почитай внимательно, если окажешься в прошлом — не посрами наш химфак!

Третий некоторое время рассматривал свой стол, но, не найдя ничего подходящего, выдернул свой внешний жесткий диск и с торжественным видом вручил его:

— Древние императоры о-о-очень увлекались искусством спальни. Если дела пойдут плохо, выучи отсюда пару трюков — глядишь, верховным даосским наставником при дворе станешь.

Цуй Се потрогал липкую от сока ткань на плече, посмотрел на испачканную книгу и жесткий диск в руках и слегка нахмурился. Его узкие раскосые фениксовы глаза смерили сожителей холодным и преисполненным праведности взглядом, от которого те со стыдом опустили головы.

Он стоял с книгой и диском в руках, долго разглядывал троицу, а затем уголки его плотно сжатых губ изогнулись в лукавой ухмылке:

— Я уже сдал экзамен и устроился библиотекарем в наш университет. Так что отправляйтесь в прошлое сами, парняги.

Ему, специалисту по современной и новейшей литературе, попади он в эпоху от поздней Цин до Движения за байхуа, толку было бы меньше, чем от знатока английского.

Трое удивленно уставились на него:

— Ты устроился библиотекарем? Остаешься в университете?

— Ах ты хитрый Четвертый! Вернулся еще и с такой серьезной миной, не сказал сразу о такой радости! Пошли, пошли пить пиво, Старший угощает!

Соседи навалились гурьбой и потащили его в шашлычную у ворот университета. Они заказали шашлыков и несколько бутылок пива, чтобы отпраздновать его трудоустройство и поднять бокалы за уходящие студенческие годы. Вчетвером они пили, вспоминая четыре года учебы, обнимали бутылки и ревели в три ручья, вернувшись в общежитие лишь перед самым отбоем.

Электричество в здании так и не дали, так что всем четверым пришлось укладываться спать в темноте.

Посреди ночи Цуй Се проснулся от невыносимой жажды и нащупал путь к столу за водой. Отпивая из стакана, он заметил, что индикатор его старенького ноутбука мерцает — похоже, дали свет. Он поставил стакан и потянулся выдернуть шнур из розетки. Но задетый проводом стакан опрокинулся, и вода потекла по клавиатуре. Неизвестно, где коротило, но из клавиатуры выскочила синеватая электрическая дуга, прошла сквозь сложенную рядом химическую книгу, жесткий диск и «укусила» его погруженные в воду пальцы.

Неописуемая боль и онемение мгновенно ударили Цуй Се в мозг. Он даже не успел никак отреагировать, как потерял сознание.

Когда сознание вернулось, он ощутил дикую боль во всем теле. Нижнюю половину жгло, словно огнем, а плечи казались тяжелыми — будто кто-то изо всех сил давил на них. К тому же щека, грудь и живот ощущали ледяной холод: казалось, он лежит не на кровати в общежитии или больнице, а распластался на холодных каменных плитах.

Неужели он был без сознания совсем недолго и соседи даже не проснулись?

Когда он вставал, на улице стояла непроглядная тьма. Если придется ждать, пока сожители протрезвеют и найдут его, то он к тому времени уже точно остынет!

Сердце Цуй Се судорожно сжалось, а в дыхании прибавился тяжелый, металлический запах крови. Не смея больше медлить, он, пересиливая головокружение и боль, сделал глубокий вдох и изо всех сил выкрикнул: «Спасите!»

Однако вырвавшийся из горла звук был настолько слабым и тихим, что он и сам едва ли мог его расслышать.

Но в этот момент кто-то со стороны спины наклонился, еще сильнее прижав его к полу, и спросил над самым ухом:

— Что ты сказал, старший брат? — И, не давая ему вымолвить ни слова, продолжал: — Брат, перестань упрямиться. По-хорошему принеси извинения отцу, матери и второму брату. Мы ведь родная кровь, разве есть обиды, которые нельзя простить? Второй брат уже не держит на тебя зла за то, что ты его толкнул. Неужели ты сам таишь обиду? Неужто тебе обидно, что отец слегка наказал тебя?

Какая еще мать, отец и второй брат? Он-то думал, плечи болят от сквозняка, а оказывается, его кто-то удерживает?

Но он ведь единственный ребенок в семье, у него отродясь не было братьев! Его родители скончались, когда он учился в средней школе, и он рос, скитаясь по родственникам — год у одного дяди, год у другого. Откуда вдруг взялись отец с матерью, да еще и наказывающие его?

Он спит? Или его убило током и он переместился в прошлое?

Затуманенный от боли разум Цуй Се снова заработал. Он изо всех сил попытался открыть глаза и оглядеться. Однако сидевший на нем «брат» давил слишком сильно, поэтому Цуй Се смог лишь немного приподнять лицо. Он увидел вымощенный серым кирпичом пол, массивные деревянные ножки мебели и стоявшие совсем рядом сапоги из черного шелка.

Хозяин сапог стремительно и тяжело шагал взад-вперед прямо перед ним, отчего у Цуй Се закружилась голова. Выступивший на лбу пот потек в глазницы, вызывая едкое жжение и слезы, так что ему пришлось прикрыть глаза, чтобы вытолкнуть слезы.

Человек, ходивший перед ним, внезапно остановился и рывкнул над его головой:

— Твоя мать рано ушла из жизни! Я жалел тебя, сироту, и все эти годы прощал тебе слишком многое, но не думал, что выращу скотину, которая помыкает младшим братом и проявляет неуважение к госпоже Сюй! И ты до сих пор не желаешь признать вину?! Думаешь, я ничего не могу с тобой сделать, скотина?!

Цуй Се пребывал в полном недоумении.

Он только что попал сюда, не унаследовал воспоминаний прежнего хозяина тела и понятия не имел, как играть свою роль в этом спектакле.

К счастью, он и не был главным действующим лицом этой сцены. Прежде чем он успел вымолвить хоть звук, изящный женский силуэт бросился в объятия хозяина черных сапог, и раздался нежный, жалобный плач:

— Господин, вы что же, хотите лишить Се-гэ жизни? Мальчики всего лишь играли в саду, мало ли, случайно кто-то кого-то толкает! У Цуй Хэна всего лишь рассечен лоб, он просто лишился чувств, неужели вы забьете Се-гэ до смерти, чтобы заплатить за его рану жизнью?! Даже если вам не жалко, мне жаль! Се-гэ — на редкость способный к наукам юноша, в будущем он сдаст экзамены на цзиньши и прославит род семьи Цуй! Если вы покалечите его, на кого потом опираться его младшему брату?!

<http://bllate.org/book/18372/1761230>